

Уральская поэтическая школа: фантом или реальность*

Юлия Подлубнова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

The Ural Poetic School: Phantom or Reality

Yulia Podlubnova

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article problematises the use of the “modern Ural poetry” descriptive construction denoting the poetic space of a particular region and considers Ural poetry in a broader context of Russian-language literature. They can be understood differently depending on the researcher’s approach and the research methodology. Thus, it may be regarded as a segment within regional literature, regional poetry, or as a cultural space that exists over territories and borders. What matters is the globalised concept which resolves the opposition between the centre and the province, which is imperative for Russian culture. The analysis of Ural poetry in such a conceptual framework actualises several issues. More particularly, to what extent can regional specificity be decisive for the poetry of the Urals? And what makes up this specificity: poetics, Ural identity, a set of Ural myths, or the structure of a poetic community? How are the boundaries of Ural poetry manifested? What is the degree of its correlation with what is done outside the region? The Ural Poetry School, a project of poet and literary manager V. O. Kalpidi, gives the most important answers to these questions. The article considers the conceptual basis of the project and those significant theoretical and practical changes that have taken place over more than two decades of its existence, especially after the emergence of poetic projects under the *InVersiya* brand in the late 2010s which presented an alternative view of the development of Ural poetry. This generational and

* Citation: Podlubnova, Yu. (2022). The Ural Poetic School: Phantom or Reality. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1836–1851. DOI 10.15826/qr.2022.5.764.

Цитирование: Podlubnova Yu. The Ural Poetic School: Phantom or Reality // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1836–1851. DOI 10.15826/qr.2022.5.764 / Подлубнова Ю. Уральская поэтическая школа: фантом или реальность // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1836–1851. DOI 10.15826/qr.2022.5.764.

worldview gap fostered the distinction between modern Ural poetry and the Russian-language poetry of the Urals. A closed poetic space with tangible boundaries, its structure and logic of development, which claimed to be the Centre as originally thought by the UPS, has turned into a space that is an organic part of something larger and decentralised. The article emphasises that the view of the poetry of the Urals as a segment of modern Russian-language poetry makes it possible to revise the existing set of myths and ideas and provides more accurate tools for describing it.

Keywords: 21st-century Russian poetry, modern Ural poetry, poetry of the Urals, Russian-language poetry, Ural Poetry School

В статье проблематизируется употребление описательной конструкции «современная уральская поэзия», обозначающей поэтическое пространство конкретного региона, и рассматривается уральская поэзия в контексте русскоязычной литературы или русскоязычной поэзии, которые могут быть поняты по-разному: как сегмент внутри региональной литературы или как культурное пространство, существующее поверх территорий и какой-либо сетки границ. Значение имеет глобализированная концепция, фактически снимающая жесткую для русской культуры оппозицию «центр – провинция». Анализ уральской поэзии подобным концептуальным алгоритмом актуализирует ряд вопросов: насколько региональная специфика может быть определяющей для поэзии Урала, и что составляет эту специфику (поэтика, уральская идентичность, набор уральских мифов или устройство поэтического сообщества)? Как манифестируются границы уральской поэзии? Какова степень ее соотнесенности с тем, что делается за пределами региона? Важнейшие ответы на эти вопросы давал проект поэта и литературтрегера В. О. Кальпиди «Уральская поэтическая школа (УПШ) / Уральское поэтическое движение». Рассмотрены концептуальная база проекта и те существенные теоретические и практические сдвиги, которые произошли за более чем два десятилетия его существования, особенно после появления в конце 2010-х гг. поэтических проектов под брендом «InВерсия», которые представили альтернативный взгляд на развитие уральской поэзии. Именно в этом поколенческом и мировоззренческом разломе обозначился момент различения современной уральской поэзии и русскоязычной поэзии Урала. Замкнутое поэтическое пространство с осязаемыми границами, собственной структурой и логикой развития и претендующее на роль центра, как изначально мыслилась УПШ, превратилось в пространство, являющееся органичной частью чего-то большего, децентрализованного. Подчеркивается, что взгляд на поэзию Урала как на сегмент современной русскоязычной поэзии позволяет пересмотреть сложившийся набор мифов и представлений и дает более точные инструменты ее описания.

Ключевые слова: русская поэзия XXI в., современная уральская поэзия, поэзия Урала, русскоязычная поэзия, Уральская поэтическая школа

«Современная уральская поэзия» как описательная конструкция, обозначающая поэтическое пространство конкретного региона, кажется в смысловом отношении прозрачной до тех пор, пока не оказывается в одном ряду с, казалось бы, синонимичными «русской» или «русскоязычной» поэзией Урала. В академических исследованиях распространены все обозначения, но предпочтение отдается именно первой [Барковская, 2013; Верина, 2014; Семьян, Смышляев; Поддубнова, 2017; Барковская, 2019; Смышляев; и др.] – и в силу ее лаконизма, и из-за того, что, помимо географической, в ней довольно недвусмысленно обозначается хронологическая доминанта. В случае с «русскоязычной поэзией Урала» или «русскоязычной уральской поэзией» подобная же доминанта неочевидна. «Русскоязычная» подчас воспринимается как контекстный синоним «русской», хронологически не детерминированной. В рамках какого-либо региона или даже страны «русскоязычная» нередко предполагает наличие иноязычной поэзии, соседство с которой (или которыми) каким-то образом выявляет масштабы и высвечивает положение «русскоязычной поэзии». «Тесно взаимодействуя с национальной литературой, русскоязычная литература Якутии естественно вливается в общий литературный процесс республики и становится ее важной составной частью» [Дишкант, с. 3].

Как пишет У. Ю. Верина, «Понятие “русскоязычная литература” – наиболее миролюбивое из возможных синонимов, поскольку все другие термины этого ряда (литература эмиграции, литература русской диаспоры, русского зарубежья, русская литература за пределами России, “нестоличная литература”) касаются вопросов истории, политики, границ государств и наций» [Верина, 2013, с. 129]. Здесь же приводится мнение А. Н. Андреева, утверждающего, что «есть русская литература Беларуси, и есть русскоязычная»: «В случае с “русскоязычной литературой” речь идет о белорусской литературе, о части одной литературы – белорусской. <...> Русскоязычная – это “составляющая” белорусской литературы, транслирующая модус белорусской ментальности. В другом случае речь идет... именно о русской литературе Беларуси, литературе, являющейся частью русского мира и именно в этом качестве становящейся частью белорусской культуры» [Там же, с. 131].

Стало быть, русскоязычная литература или русскоязычная поэзия могут быть поняты по-разному: как сегмент внутри региональной литературы, региональной поэзии или как культурное пространство, существующее поверх территорий и какой-либо сетки границ. В втором смысле «русскоязычная поэзия» как описательный конструкт стала использоваться совсем недавно и связана с рефлексиями эпохи глобализма, развитием Интернета. Она потенциально описывает последние 20–30 лет существования поэзии и – шире – русской культуры в свободном мире без границ. Современность имманентна этому понятию.

А. Н. Андреев обозначил еще один важный нюанс – гипотетическое различие русской и русскоязычной поэзии. Аналитические конструкции, оперирующие понятием «русской поэзии», апеллируют, во-первых,

к национальной традиции (русскоязычная литература может в большей степени взаимодействовать с иными традициями – западными, восточными и проч., быть «пограничной» [Лейдерман]), во-вторых, к философии «русского»/«русскости» (от Ф. Достоевского и Н. Бердяева до И. Ильина и А. Дугина) и в целом к метафизическому миропониманию (русская литература как носительница «русского духа», выразительница «русской души», провидица «русской судьбы» и проч.). В то время как «русскоязычная» в силу имманентного ей лингвоцентризма смещается от метафизики в сторону постметафизики и наднациональной картины мира, хотя и не предполагает отказа от традиций. В «русскоязычной» также актуализируется деколониальная оптика (на которую косвенно указывает У. Ю. Верина), когда пространство поэзии монтируется вне бинарной оппозиции «центр – провинция», практики московских авторов уравниваются с практиками авторов из Киева, Нью-Йорка, Ташкента, Екатеринбургa, Риги и т. д. – объединяют всех язык и понимание включенности в общий поэтический процесс.

Все обозначенное проблематизирует употребление понятий «современная уральская поэзия» и «современная русская/русскоязычная поэзия Урала» как синонимичных и заставляет все же рассуждать о некоторых нюансах.

Насколько региональная специфика может быть определяющей для поэзии Урала и что составляет эту специфику – поэтика, уральская идентичность, набор уральских мифов или устройство поэтического сообщества? Как манифестируются границы уральской поэзии? Какова степень ее соотнесенности с тем, что делается за пределами региона?

Русскоязычная поэзия Урала – феномен многослойный и многоуровневый, располагающийся одновременно в двух системах координат: а) глобальной; б) региональной, существующей во многом за счет профессионального, устойчивого и довольно обширного поэтического сообщества на Урале, вовлекающего в свои орбиты притяжения даже тех авторов, чьи творческие стратегии изначально не были связаны с региональными литературными институциями, проектами и инициативами и чья идентичность вовсе не обязательно конструируется с учетом уральских реалий. Современная уральская поэзия очень прочно вмонтирована в пространство русскоязычной поэзии, но «уральская общность», которая так или иначе заявляется ею, требует отдельных рефлексий.

Обширным поэтическим проектом, который исходил из существования региональной поэтической общности, то есть фактически пытался присвоить современную уральскую поэзию, превратить ее в управляемое пространство, стал проект В. О. Кальпиди «Уральская поэтическая школа»¹. Под брендом УПШ Виталием Кальпиди и позже

¹ Проект был ознаменован выпуском первого тома антологии «Современная уральская поэзия» в 1997 г., продолжен еще тремя томами, вышедшими с разницей в семь лет [Современная уральская поэзия], энциклопедией «Уральская поэтическая школа» (2013), серией авторских сборников «ГУЛ» («Галерея уральской литературы», всего 30 книг), коллективной монографией, посвященной 4-му тому антологии «Современная уральская поэзия» (2020) и проч.

идеологически примкнувшим к нему издателем Мариной Волковой было проведено большое количество поэтических мероприятий (в том числе фестивалей) в регионе и за его пределами². Создавая проект, В. О. Кальпиди исходил из представления, что «современная уральская поэзия – это единый психо-геологический ландшафт и единая климатическая макроэстетика... Это пространство ощущается большинством участников процесса как несомненное, четко персонифицированное и ценностное явление» [Антология современной уральской поэзии (1997–2003 гг.), с. 14]. «Кальпиди ставит вопрос о том, что такое регион, и о том, какова специфика уральской ситуации», – отметил Д. Кузьмин в выступлении на круглом столе 2004 г., посвященном выходу второго тома уральской антологии [Антология современной уральской поэзии. Круглый стол]. Д. М. Давыдов утверждал: «можно говорить, что уральская литература представляет собой некое единство – социокультурное, отчасти институциональное и в конце концов мифологическое, поскольку миф о единстве оказывается одним из источников формирования единства» [Давыдов, 2006, с. 370], а затем находил общие черты в молодой уральской поэзии: это брутальность, энергичность, почвенность, метареалистичность, суггестивность. Уральская поэзия «стилистически отнюдь не тождественна сама себе, но каким-то таким “надстильным” над поэтикой образом, она вполне едина. И в стихах людей, абсолютно ничем не связанных на уровне поэтики, в диапазоне от Чепелева до Тхоржевской, я вижу какие-то общие черты», как, например, «ощущение какой-то дискретности, некоторого такого столкновения цивилизации и природы», «какая-то очень сложная диалектика взаимоотношения брутальности и лирической исповедальности» и «сильное суггестивное начало» [Уральская школа поэзии: взгляд из Москвы].

Однако уже в построениях Д. М. Давыдова появился тезис о мифологической основе УПШ, о том, что школа не является собственно «школой». «Природа Уральской поэтической школы (УПШ) как культурного феномена амбивалентна, – заявлялось во введении 1 к энциклопедии. – С одной стороны, сколько бы ни подвергали сомнению его реальность, разговоры об УПШ то и дело наполняют окололитературный дискурс, и целый ряд поэтов... с разной степенью аргументированности и экспрессии утверждает его существование. <...> С другой стороны, расплываясь во все стороны из-за количества людей и идей, смыкаясь с литературными феноменами различного порядка... УПШ так и остается где-то в разряде мифологических литературных образований» [Подлубнова, 2012, с. 8].

Именно подобного рода заявления и сомнения заставили В. О. Кальпиди уже в энциклопедии 2013 г. переключить УПШ в УПД – Уральское поэтическое движение, как бы снимающее

² В 2017 г. В. О. Кальпиди «за тридцатипятилетний труд по созданию, документированию и продвижению Уральской поэтической школы» получил премию Андрея Белого, что свидетельствует о признании его деятельности за пределами региона.

вопрос об обязательности эстетической платформы и некоторого родства поэтических практик в рамках «школы». «Уральское поэтическое движение, которое мы произвольно назвали “Уральская поэтическая школа” (и никуда теперь от этого не деться), – первая у нас в стране широкомасштабная самоорганизовавшаяся творческая корпорация, что с конца 70-х годов прошлого века и по сей день инициирует новые поэтические смыслы» [Уральская поэтическая школа, с. 6]. В дальнейшем В. О. Кальпиди будет использовать обе аббревиатуры, чем дальше, тем больше популяризируя УПД. «Стоит уже сейчас разучить термин “УПД” и вслед за Виталием Кальпиди удивиться новому явлению в русской поэзии. Явление это носит не столько литературный, сколько географически-биографический характер и формулируются до банальности просто: “На Урале живут и творят поэты”» [Волкова].

«По сути дела, проект В. Кальпиди представляет собой утопию, но утопию четко продуманную, Кальпиди не столько предлагает видеть в уральской литературе “особый” регион, сколько борется с Центром за символический капитал, предлагая именно Урал считать “подлинным” Центром», – писал Д. М. Давыдов [Давыдов, 2006, с. 370]³. «Думаю, что треть, если не половина лучших нынешних поэтов сформированы именно УПШ», – в подобной же логике рассуждал А. Ю. Санников, один из ключевых авторов уральских антологий [Андрей Санников].

При этом стоит понимать, что заявка на роль обособленного поэтического центра была бы невозможна, если бы проект УПШ изначально не выстраивался как значимый сегмент поэтического пространства с привлечением некоторых конструкторов, которые выполняли функции его разметки. Во-первых, само понятие региональной поэтической школы, которое активно использовалось в литературной критике и литературоведении 1990–2000-х гг. и имело непосредственное значение для сборки пространства неподцензурной поэзии. «...Прошедший в Москве в декабре 1999 года первый фестиваль молодой провинциальной поэзии “Культурный герой XXI века” показал, что в ряде регионов идет активное формирование новых местных литературных школ. В круг литературных центров перво-степенного значения выдвинулись Иваново, Воронеж, Самара», – писал, например, Д. В. Кузьмин, пытаясь сформулировать платформы ивановской, воронежской и самарской поэтических школ, а также рассуждая о рижской поэтической школе [Кузьмин, 1999]. Уральская школа как бы встраивалась именно в этот ряд и дополняла эту карту поэтического пространства.

Во-вторых, В. О. Кальпиди определил границы Урала через «уральский треугольник», концепт А. Парщикова, увидевшего связь Екатеринбург, Пермь и Челябинска [Парщиков], хотя мы понимаем, что

³ Хотя сам В. О. Кальпиди открещивался от конкуренции с Москвой [Кальпиди, 2019b].

на практике «треугольником» проект никогда не ограничивался, заходя на территории Н. Тагила, Башкирии, Зауралья. В-третьих, важным компонентом УПШ стала теория поколений, которая опять-таки в отношении современной поэзии была сформулирована ранее, например, в рамках проекта «Вавилон» – см. статью Д. В. Кузьмина, где он утверждает, что «младшее поколение русских писателей (и особенно поэтов) – те, кому сегодня около 30 или меньше, – чувствует определенное внутреннее родство и испытывает тягу к объединению» [Кузьмин, 1999]. Теория поколений была необходима УПШ для отстраивания восьмидесятников (в терминологии УПШ – старшего поколения поэтов) от поля советской поэзии и уральских шестидесятников, из которых в качестве предтеч были оставлены в уральском каноне только М. Никулина и А. Решетов.

При этом поколенческая концепция особенно актуализировалась в рефлексиях, связанных со вторым и третьим томами антологии, где существенное место занимала поэзия молодых авторов, условных учеников восьмидесятников. «Когда 5 (7? 10?) лет назад пришло “второе поколение” УПШ, все было тоже – нормально. <...> “Первое поколение” (т. е. мы) себя полагали непоправимыми уродами и обреченными героями – а тут вдруг – вот, глядите! – мутация дала великолепное потомство» [Санников, Петрушкин]. «Четыре поколения поэтов, сконцентрированные на тридцатилетней временной площадке, сжатой периметром трех городов (плюс еще двумя десятками уральских поселений), явили природу и смысл “черных дыр” провинциальной культуры, свет которых просто не может по определению выйти за пределы созданной ими реальности», – комментарий самого В. О. Кальпиди [Уральский поэтический ренессанс].

Как бы то ни было, в ситуации, когда «региональные поэтические школы в русской провинции если и возникают, то существуют ввиду тяжелой социальной и культурной обстановки недолго: ключевые фигуры либо быстро замолкают, либо разъезжаются в столицы или за пределы России, и связь между участниками школы слабеет и исчезает» [Кузьмин, 2008, с. 32], УПШ, сконструированная по востребованным лекалам, не могла не стать заметным явлением русскоязычной поэзии. На том же круглом столе, посвященном выходу второго тома уральской антологии, А. Вознесенский констатировал: «Выпуском двух антологий Кальпиди “разделил” русскую поэзию как бы на троих: на Москву, Санкт-Петербург и Урал» [Антология современной уральской поэзии. Круглый стол]. Похоже высказывался Д. А. Пригов: «В этом отношении представляется мне сейчас, что эти три школы и будут доминировать достаточно длительное время» [Там же].

Учитывая символический капитал УПШ/УПД, стоит признать, что сборка современной уральской поэзии авторства В. О. Кальпиди оказалась самой стойкой и убедительной из существующих на Урале. Например, «Поэты Урала» Ю. В. Казарина – фактически альтернативная УПШ попытка разметки поэтического поля – не получила сколь-либо

близкого по объему резонанса и осталась фактом персональной литературтрегерской деятельности Ю. В. Казарина, не столько отстаивающего предложенную им концепцию современной поэзии, сколько заботящегося о выстраивании иерархий исходя из существующего канона русской поэзии [Казарин]. Кроме того, до определенного времени (2010-х гг.) В. О. Кальпиди удачно взаимодействовал с инициативами более молодых уральских авторов и литературтрегеров – от «Литературренгена» до авторов антологий «Екатеринбург 20 : 30» (2013), «Красными буквами» (2014), «Шепчутся и кричат» (2016), обновляя поколенческие структуры проекта. Да и сама молодежь, как бы она ни пыталась сформулировать альтернативу УПШ, так или иначе находилась в активном диалоге с В. О. Кальпиди. К примеру, А. Петрушкин по-своему видел поколенческий расклад в УПШ [Петрушкин].

При этом смоделированные границы УПШ были всегда весьма ощутимы. «В. О. Кальпиди выдвигает название, задает рамки и формы развития группы» [Загидуллина]. Он привлекал в проект тех авторов, которые укладывались в его представления о том, каким может быть извод неподцензурной поэзии Урала, и не замечал других, которые в эти представления не укладывались. Являясь на данный момент самой репрезентативной антологией уральской поэзии, четырехтомник все же пестрит лакунами и таит истории кэнселлинга авторов и их творчества со стороны составителя.

Отдельно оговорим и еще один нюанс: очерчивая поле современной уральской поэзии и собирая «поэтическую корпорацию», В. О. Кальпиди не учитывал наличие или отсутствие уральской идентичности у репрезентируемых поэтов. И хотя многие авторы, в том числе он сам, воспроизводили или конструировали локальные мифы (Н. Тагил – у Е. Туренко, Н. Стародубцевой, Е. Симоновой, Тадым-Кыштым – у А. Петрушкина, Челябинск – у А. Самойлова и т. д.), УПШ предполагала географическую разомкнутость и индивидуальные отношения каждого поэта с пространством и временем. Современная уральская поэзия в таком изводе все меньше стремилась быть носителем специфически уральского взгляда на мир или отражательницей исключительно уральских реалий. И в этом смысле права Н. В. Барковская, утверждающая, что «формируемый УПД “уральский текст” не равен уральской литературе (поэзии)» [Барковская, 2019].

В свою очередь, экспроприировав современную уральскую поэзию и превратившись в «движение», УПШ к четвертому тому антологии (он вышел в 2018 г.) окончательно утратила моменты эстетического единства. В книгу попали авторы, ранее непредставимые в проекте, в том числе не связанные поколенческой преемственностью с поэтами УПШ, не имеющие общих эстетических программ, не упоминавшиеся ранее в одних контекстах и измерениях [Пермяков]. Многочисленность и разнообразие явленных в томе опытов письма, вплоть до политических, контекстуальных и стилистических полюсов, свидетельствовала даже уже не об актуальности концепции УПД, но о предельно широ-

ком пространстве поэзии как таковой. Четвертый том концептуально оказался витриной не столько современной уральской поэзии, сколько русскоязычной поэзии Урала в любом ее понимании.

И здесь мы подходим к принципиальному моменту различения современной уральской поэзии и русскоязычной поэзии Урала, который связан с оппозицией замкнутого и открытого ввне культурного пространства. Замкнутое поэтическое пространство с осязаемыми границами, собственной структурой и логикой развития, претендующее на роль центра – так изначально мыслилась УПШ. Пространство, являющееся органичной частью чего-то большего, – так может быть представлена русскоязычная поэзия региона, если посмотреть на него вне структурных рамок УПШ.

Взгляд на поэзию Урала как на сегмент русскоязычной поэзии дает специфические и в некотором роде более точные инструменты ее описания. В частности, довольно познавательным чтением является разметка авторов в энциклопедии УПШ. Пункты «Традиции, направления, течения» и «Основные имена, влияния, переключки» наполнены терминами и именами. Это имена в основном предшественников или современников в диапазоне от А. Еременко и С. Гандлевского до Б. Рыжего и Е. Фанайловой, совсем редко – более молодых. В пункте «направлений и течений» среди неизбежных отголосков Серебряного века и солянки из «реализма», «модернизма», «тихой лирики», «постмодернизма», «слэмовой поэзии» и проч. наиболее приближенным к современности и часто упоминаемым течением оказывается метареализм, который был, по выражению К. Корчагина, «центральным поэтическим языком» для уральских восьмидесятников [Корчагин], а также для более младших поэтов, ориентированных на их практики.

Практически без соответствующих маркировок остаются авторы, для поэзии которых значимы постконцептуализм (от Тараса Трофимова и Яниса Грантса до Елены Баянгуловой и Виты Корневой) и «новый эпос» (в диапазоне от Василия Чепелева и Никиты Иванова до Наталии Санниковой). О чем-то подобном мы писали ранее: «В попытках очертить художественные границы нового уральского андеграунда выявляются точки отторжения от мыслящейся как конвенциональной поэзии старших и отторжения самими старшими. В частности, долгое время, начиная еще с проектов Василия Чепелева, на Урале в зоне нулевой видимости пытаются удержать практики постконцептуализма, где постконцептуализм – осознанное переосмысление опыта концептуализма, как лианозовского, так и московского, а также переосмысление уже и самого постконцептуализма (в духе Данилы Давыдова, Дарьи Суховой или Василия Бородина). В постконцептуальном русле работают такие поэты, как Александр Самойлов, Янис Грантс, Александр Маниченко в Челябинске, Сергей Данилов, Владислав Семенцул, Артем Быков и Мария Кротова в Екатеринбурге» [Подлубнова, 2022].

Четвертый том антологии остался и без разметки, и без аналитики творчества конкретных авторов (хотя в целом аналитическую функцию в отношении тома выполнила коллективная монография «Книга о 4 томе АСУП»). Показательно и то, что четвертый том проигнорировал поэтов, которые так или иначе не вписывались в художественные приоритеты составителя антологии «Современная уральская поэзия», как, например, Евгений Ивачевский, последовательно ориентирующий на практики «нового эпоса», Александр Смирнов, примыкающей к «постдрагомощенковской волне» и др. В. О. Кальпиди, испытывающий неприязнь к верлибру и называющий его «эмбриональной поэтикой» [Кальпиди, 2019а, с. 375], лимитировал появления верлибра в четвертом томе. А фемпоэзия, развивавшаяся в Екатеринбурге на излете 2010-х гг., вызвала у него приступ язвительности [Кальпиди, 2020, с. 39].

Взгляд на поэзию Урала извне (из пространства более широкого, чем локальное) позволяет более инструментально выявлять общие тенденции и исследовать творчество конкретных авторов. Например, переосмыслить творчество уральских восьмидесятников, создавших немало авторских и коллективных мифов (помимо УПШ), которые в целом затрудняют обстоятельную рефлексию их творчества, запутывают рецепиента. Скажем, подобная отстраненная и незамутненная мифами оптика позволяет увидеть преэминентность Ю. Казарина не только по отношению к О. Мандельштаму (абсолютному кумиру восьмидесятников), но и к А. Еранцеву и обширной почвеннической традиции (в противовес метареализму). А. Санников оказывается ближе к В. Ковалю, М. Айзенбергу или даже А. Василевскому, чем к В. Кальпиди или Е. Туренко, с которыми его связывали длительные дружеские отношения. Масштабно проявляется фигура проигнорированного в проекте УПШ И. Кормильцева, на заре 1980-х писавшего верлибры и ориентирующегося в первую очередь на традиции англоязычной поэзии. Так же требует переосмысления поэзия Ю. Кокошко, которая за все время существования проекта опубликована только в четвертом томе антологии, но фактически это автор поколения В. Кальпиди с длительной творческой историей и непростым поэтическим генезисом.

Стоит пойти дальше и посмотреть обновленными глазами на творчество младших авторов. Александр Петрушкин при таком подходе – не столько ученик В. Кальпиди и Е. Туренко, сколько продолжатель усложненной модернистской линии А. Драгомощенко, и это вопреки петрушкинскому декларативному почвенничеству. Е. Симонова предстает не только как автор Нижнетагильской школы, но и как один из наиболее ярких современных поэтов, причем многоликих и эволюционирующих – от постакмеизма и постсимволизма, столь свойственных Нижнетагильской школе [Давыдов, 2008], через освоение практик метареализма к фемпоэзии и документальному письму, впрочем, авторски переработанным [Малиновская; Барковская, 2022].

1. Участники фестиваля *InVersiya* на ступенях Государственного исторического музея Южного Урала. Челябинск, 2017. Фото Л. Собениной
Participants of the *InVersiya* festival on the steps of the State Historical Museum of the Southern Urals. Chelyabinsk, 2017. Photograph by L. Sobenina

В таком случае обнажаются инструменты преодоления границ региональной поэзии, встраивания ее в иные сообщества и пространства, как это было с молодежной поэтической премией «ЛитератураРенген», организованной в Екатеринбурге, или челябинским фестивалем «InVersiya», породившим целую издательскую серию, в рамках которой начиная с 2020 г. вышел ряд поэтических сборников (рис. 1, 2). Показательно, что серия свела вместе авторов из разных стран и регионов (Мария Малиновская – Гомель/Москва, Елена Михайлик – Одесса/Австралия, Мария Вильковская – Казахстан/Австрия и проч.) по принципу русскоязычия и преимущественно актуальных поэтических практик и полностью исключила так называемый традиционализм и российское почвенничество. В широкие русскоязычные контексты серии вписали и уральских авторов: от Никиты Иванова и Александра Маниченко до Евгения Ивачевского и Екатерины Симоновой.

На заре 2020-х гг. УПД в связи со снизившейся активностью его создателей и апологетов начало сдавать позиции, и в пространстве поэзии Урала образовалось место для альтернативных концепций ее разметки. В первую очередь для той же «InВерсии», получившей максимально возможное внимание со стороны русскоязычного поэтического сообщества, судя по количеству рецензий и откликов на книги серии и издательского проекта в целом в литературных журналах и иных источниках, включенности сборников в премиальные процессы, их широкому присутствию в книжных магазинах в стране и за ее пределами и проч.

2. Фестиваль *ЛитератураРРенген*. Екатеринбург, 2009. Фото Л. Собениной
LiteratureRRengen Festival. Yekaterinburg, 2009. Photograph by L. Sobenina

Можно даже утверждать, что характерная для УПШ ставка на репрезентацию современной уральской поэзии в изводе В. О. Кальпиди и региональных поэтов-восьмидесятников в ходе становления проекта «InВерсия» сменилась набором стратегий по включению в глобальное пространство русскоязычной поэзии (проведение фестиваля со множеством гостей извне; издательская деятельность, рассчитанная на русскоязычного читателя вне зависимости от его географии; сотрудничество с поэтическими проектами внутри России и за рубежом и проч.). Более того, появление и деятельность «InВерсии» обозначили герметизм проекта УПШ-УПД и поставили под сомнение транслируемую В. О. Кальпиди картину мира, которая присваивает современную уральскую поэзию и тем самым порождает вопрос, насколько релевантна номинация тому, что мы действительно видим в современной поэзии Урала. Что, в свою очередь, заставляет задумываться при разговоре о региональных поэтических сообществах и практиках о смене номинаций или о терминологическом реклейминге, предполагающем вымывание ощутимо искусственных границ из описательной конструкции «современная уральская поэзия». Думается, даже региональная идентичность, которая значима для ряда поэтов, не относящихся к кругу восьмидесятников (например, для ориентированного на авангардные практики Р. Комадея), не формирует иных границ региональности в уральской поэзии, кроме тех, что так или иначе были сконструированы в рамках проекта УПШ. И, следовательно, границы у уральской поэзии могут быть только географическими и довольно подвижными в пространстве и времени

(часть уральских поэтов не живут на Урале, но теряют ли они связь с регионом, и в чем эта связь заключается?).

Так или иначе, дело не в номинации: все номинации от «современной уральской поэзии» до «современной русской поэзии Урала» имеют право на существование – вопрос заключается в том, насколько осознанным является их употребление и какие контексты они подтягивают за собой. А взгляд на современную поэзию Урала как на часть русскоязычной поэзии, вписанной в деколониальное глобализированное пространство, где нет центра и провинции, но где возможны любые проявления региональных идентичностей, равно как и их полное отсутствие, заставляет по-новому и более инструментально описать развитие поэзии региона последних 20–30 лет.

Список литературы

Андрей Санников: «Поэт – это человек, совершающий подвиги» // Дети Ра : [электрон. журн.]. 2011. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2011/5/andrej-sannikov-poet-eto-chelovek-sovershayushij-podvigi.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Антология современной уральской поэзии (1997–2003 гг.). Челябинск : Фонд «Галерея», 2003. 272 с.

Антология современной уральской поэзии. Круглый стол: Дмитрий Кузьмин. Данила Давыдов. Дмитрий Пригов. Андрей Вознесенский. Richard Mckane. Daniel Weissbort // Уральская новь : [сайт]. 2004. № 18. URL: <https://magazines.gorky.media/urnov/2004/18/antologiya-sovremennoj-uralskoj-poezii.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Барковская Н. В. «Приемные дети культуры»: традиции Бориса Поплавского в современной уральской поэзии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 15, № 4 (120). С. 279–289.

Барковская Н. В. Отражение отношений «столица – провинция» в современной уральской поэзии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 163–180. DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.033.

Барковская Н. В. Медиальная функция актуальной поэзии (стихотворение Е. Силовой «В Ницце») // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 2. С. 43–51.

Верина У. Ю. Русскоязычная поэзия Беларуси: территория умолчания, повторения, творения // Уральский филологический вестник. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2013. № 2. С. 129–142.

Верина У. Ю. Поэт в книге стихов и в антологии (по изданиям современной уральской поэзии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). С. 121–124.

Волкова М. Поэты живут на Урале // Истоки : [интернет-журн.]. 2014. № 23 (895). URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=10801> (дата обращения: 01.09.2022).

Давыдов Д. Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 2. Екатеринбург : УрО РАН : ИД «Союз писателей», 2006. С. 366–371.

Давыдов Д. М. К описанию феномена «нижнетагильского поэтического ренессанса» // Литература Урала: история и современность. Вып. 4. Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 91–96.

Дишкант Е. В. Национально-художественное своеобразие творчества русскоязычных якутских поэтов (1970–90 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск : [Б. и.], 2004. 25 с.

Зазидуллина М. В. Жизнь поэзии в информационном пространстве как диалог: от УПШ 1.0 к УПД 3.0 // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 139–145.

Казарин Ю. Поэты Урала. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. 484 с.

Кальпиди В. О. Из дневника 17 года // *Философия поэзии*. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2019а. С. 374–411.

Кальпиди В. О. Провинция как феномен культурного сепаратизма (лирическая реплика 1999 года) // *Кальпиди В. О. Философия поэзии*. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2019б. С. 138–147.

Кальпиди В. О. Густое : книга поэзии. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 126 с.

Корчагин К. Луна взорвалась // *Знамя* : [сайт]. 2021. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/9/luna-vzorvalas.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Кузьмин Д. Поколение Вавилона // *Современная русская литература с Вячеславом Курицыным* : [сайт]. 1999. URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/kuzmin1.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Кузьмин Д. Русская поэзия в начале XXI века // *РЕЦ*. 2008. № 48. С. 3–38.

Лейдерман Н. Л. Русскоязычная литература – перекресток культур // *Филологический класс*. 2015. № 3 (41). С. 19–24.

Малиновская М. Екатерине Симоновой: переопределение любви // *Воздух* : [сайт]. 2019. № 39. URL: <http://www.litkartla.ru/projects/vozdukh/issues/2019-39/malinovskaya-o-simonovoi> (дата обращения: 01.09.2022).

Паршиков А. Треугольник Урала // *Алексей Паршиков* : [сайт]. URL: <http://parshchikov.ru/nulevaya-stepen-morali/treugolnik-urala> (дата обращения: 01.09.2022).

Пермяков А. В переменных измерениях // *Книга о 4-м томе АСУП*. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2020. С. 98–116.

Петрушкин А. Чертольня – миф, который обрел плоть // *Новая карта русской литературы* : [сайт]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/mif-kotory-obrel> (дата обращения: 01.09.2022).

Подлубнова Ю. Введение 1. Уральская поэтическая школа: мифы и реальность // *Уральская поэтическая школа : энциклопедия*. Челябинск : Десять тысяч слов, 2012. С. 8–16.

Подлубнова Ю. Неузнаваемый воздух. Книга о современной уральской поэзии. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2017. 139 с.

Подлубнова Ю. Второй уральский андеграунд // *Литература* : [электрон. лит. журн.]. 2022. № 200. Ноябрь. URL: <https://literatura.org/criticism/3193-yuliya-podlubnova-vtoroy-uralskiy-andegraund.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Санников А., Петрушкин А. Уральская поэтическая школа: да твою маман! Типа круглый стол. Ч. 1. Вводная // *Мегалит* : Евразийский журнальный портал. URL: <http://promegalit.ru/publics.php?id=6219> (дата обращения: 01.09.2022).

Семьян Т. Ф., Смышляев Е. А. Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения // *Вестник Южно-Уральского государственного университета Сер.: Лингвистика*. 2015. Т. 12, № 2. С. 28–32.

Смышляев Е. А. Миф о Виталии Кальпиди в современной уральской поэзии // «Вакансия поэта» в русской и зарубежной литературе рубежа XX–XXI веков. Воронеж : Воронеж. обл. тип., 2019. С. 117–128.

Современная уральская поэзия : антология. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 1997–.

Уральская поэтическая школа : энциклопедия. Челябинск : Десять тысяч слов, 2012. 445 с.

Уральский поэтический ренессанс // Вечерний Челябинск. 2013. 22 нояб.

Уральская школа поэзии: взгляд из Москвы : беседа с Д. Давыдовым (декабрь 2012) // Литература Урала: исследования и материалы : [сайт]. URL: <http://www.litural.ru/iprospekt/davydov> (дата обращения: 01.09.2022).

References

Andrei Sannikov: “Poet – eto chelovek, sovershayushchii podvigi” [Andrei Sannikov: “A Poet is a Person who Performs Feats”]. (2011). In *Deti Ra* [electronic journal]. No. 5. URL:

<https://magazines.gorky.media/ra/2011/5/andrej-sannikov-poet-eto-chelovek-sovershaya-shhij-podvigi.html> (accessed: 01.09.2022).

Antologiya sovremennoi ural'skoi poezii (1997–2003 gg.) [Anthology of Modern Ural Poetry (1997–2003)]. (2003). Chelyabinsk, Fond “Galereya”. 272 p.

Antologiya sovremennoi ural'skoi poezii. Kruglyi stol: Dmitrii Kuz'min. Danila Davydov. Dmitrii Prigov. Andrei Voznesenskii. Richard Mckane. Daniel Weissbort [An Anthology of Modern Ural Poetry. Round Table: Dmitry Kuzmin. Danila Davydov. Dmitry Prigov. Andrei Voznesensky. Richard McKane. Daniel Weissbort]. (2003). In *Ural'skaya nov'* [website]. No. 18. URL: <https://magazines.gorky.media/urnov/2004/18/antologiya-sovremennoj-uralskoj-poezii.html> (accessed: 01.09.2022).

Barkovskaya, N. V. (2013). “Priemnye deti kul'tury”: traditsii Borisa Poplavskogo v sovremennoi ural'skoi poezii [Foster Children of Culture: The Traditions of Boris Poplavsky in Modern Ural Poetry]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 15. No. 4 (120), pp. 279–289.

Barkovskaya, N. V. (2019). Otrazhenie otnoshenii “stolitsa-provintsiiya” v sovremennoi ural'skoi poezii [The Reflection of the “Capital-Province” Relationship in Modern Ural Poetry]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 21. No. 2 (187), pp. 163–180. DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.033.

Barkovskaya, N. V. (2022). Medial'naya funktsiya aktual'noi poezii (stikhotvorenie E. Simonovoi “V Nitstse») [The Medial Function of Contemporary Poetry (Poem by E. Simonova In Nice)]. In *Filologicheskii klass*. Vol. 27. No. 2, pp. 43–51.

Davydov, D. (2006). Pokolenie vs poetika: molodaya ural'skaya poeziya [Generation vs Poetics: Young Ural Poetry]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik statei*. Iss. 2. Yekaterinburg, Ural'skoe otdelenie RAN, Izdatel'skii dom “Soyuz pisatelei”, pp. 366–371.

Davydov, D. M. (2008). K opisaniyu fenomena “nizhnetagil'skogo poeticheskogo renessansa” [On the Description of the Phenomenon of the “Nizhny Tagil Poetic Renaissance”]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*. Iss. 4. Lokal'nye teksty i tipy regional'nykh narrativov. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 91–96.

Dishkant, E. V. (2004). *Natsional'no-khudozhestvennoe svoeobrazie tvorchestva russkoyazychnykh yakutskikh poetov (1970–90 gg.)* [The National and Artistic Peculiarities of the Works of Russian-Speaking Yakut Poets (1970–90s)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yakutsk, S. n. 25 p.

Kal'pidi, V. O. (2019a). Iz dnevnika 17 goda [From the Diary of 1917]. In Kal'pidi, V. O. *Filosofiya poezii*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi, pp. 374–411.

Kal'pidi, V. O. (2019b). Provintsiiya kak fenomen kul'turnogo separatizma (Iricheskaya replika 1999 goda) [Province as a Phenomenon of Cultural Separatism (Lyrical Replica of 1999)]. In Kal'pidi, V. O. *Filosofiya poezii*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi, pp. 138–147.

Kal'pidi, V. O. (2020). *Gustoe: kniga poezii* [The Thicker: A Book of Poetry]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 126 p.

Kazarin, Yu. (2011). *Poety Urala* [Poets of the Urals]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta. 484 p.

Korchagin, K. (2021). Luna vzorvalas' [The Moon Exploded]. In *Znamya* [website]. No. 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/9/luna-vzorvalas.html> (accessed: 01.09.2022).

Kuz'min, D. (1999). Pokolenie Vavilona [Generation of Babylon]. In *Sovremennaya russkaya literatura s Vyacheslavom Kuritsynym* [website]. URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/kuzmin1.html> (accessed: 01.09.2022).

Kuz'min, D. (2008). Russkaya poeziya v nachale XXI veka [Russian Poetry in the Early 21st Century]. In *RETS*. No. 48, pp. 3–38.

Leiderman, N. L. (2015). Russkoyazychnaya literatura – perekrestok kul'tur [Russian-Language Literature, a Crossroads of Cultures]. In *Filologicheskii klass*. No. 3 (41), pp. 19–24.

Malinovskaya, M. (2019). Ekaterine Simonovoi: pereopredelenie lyubvi [To Ekaterina Simonova: Redefining Love]. In *Vozdukh* [website]. No. 39. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdruk/issues/2019-39/malinovskaya-o-simonovoi> (accessed: 01.09.2022).

Parshchikov, A. (N. d.). Treugol'nik Urala [Triangle of the Urals]. In *Aleksei Parshchikov* [website]. URL: <http://parshchikov.ru/nulevaya-stepen-morali/treugolnik-urala> (accessed: 01.09.2022).

Permyakov, A. (2020). V peremennykh izmereniyakh [In Variable Dimensions]. In *Kniga o 4-m tome ASUP*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi, pp. 98–116.

Petrushkin, A. (N. d.). Chertol'nya – mif, kotoryi obrel plot' [The Devil's House, a Myth that Has Found Flesh]. In *Novaya karta russkoi literatury* [website]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/mif-kotory-obrel> (accessed: 01.09.2022).

Podlubnova, Yu. (2012). Vvedenie 1. Ural'skaya poeticheskaya shkola: mify i real'nost' [Introduction 1. Ural Poetic School: Myths and Reality]. In *Ural'skaya poeticheskaya shkola. Entsiklopediya*. Chelyabinsk, Desyat' tysyach slov, pp. 8–16.

Podlubnova, Yu. (2017). *Neuznavaemyi vozdukh. Kniga o sovremennoi ural'skoi poezii* [Unrecognizable Air. A Book about Modern Ural Poetry]. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi. 139 p.

Podlubnova, Yu. (2022). Vtoroi ural'skii andegraund [Second Ural Underground]. In *Litteratura* [website]. No. 200. November. URL: <https://litteratura.org/criticism/3193-yuliya-podlubnova-vtoroy-uralskiy-andegraund.html> (accessed: 01.09.2022).

Sannikov, A., Petrushkin, A. (N. d.). Ural'skaya poeticheskaya shkola: da tvoyu maman! Tipa kruglyi stol. Chast' 1. Vvodnaya [Ural Poetic School. To Hell with Your Maman! A Kind of a Round Table. Part 1. Introduction]. In *Megalit. Evraziiskii zhurnal'nyi portal*. URL: <http://promegalit.ru/publics.php?id=6219> (accessed: 01.09.2022).

Sem'yan, T. F., Smyshlyaev, E. A. (2015). Chelyabinskaya poeziya kak chast' ural'skogo poeticheskogo dvizheniya [Chelyabinsk Poetry as Part of the Ural Poetic Movement]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. Vol. 12. No. 2, pp. 28–32.

Smyshlyaev, E. A. (2019). Mif o Vitalii Kal'pidi v sovremennoi ural'skoi poezii [The Myth of Vitaly Kal'pidi in Modern Ural Poetry]. In *"Takansiya poeta" v russkoi i zarubezhnoi literature rubezha XX–XXI vekov*. Voronezh, Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, pp. 117–128.

Sovremennaya ural'skaya poeziya. Antologiya [Modern Ural Poetry. An Anthology]. (2018–). Chelyabinsk, Izdatel'stvo Mariny Volkovoi.

Ural'skaya poeticheskaya shkola. Entsiklopediya [Ural Poetry School. An Encyclopaedia]. (2012). Chelyabinsk, Desyat' tysyach slov. 445 p.

Ural'skaya shkola poezii: vzglyad iz Moskvy. Beseda s D. Davydovym (dekabr' 2012) [Ural Poetry School: A View from Moscow. Conversation with D. Davydov (December 2012)]. (N. d.). In *Literatura Urala: issledovaniya i materialy* [website]. URL: <http://www.litural.ru/iprospekt/davydov> (accessed: 01.09.2022).

Ural'skii poeticheskii renessans [Ural Poetic Renaissance]. (2013). In *Vechernii Chelyabinsk*. 22 Nov.

Verina, U. Yu. (2013). Russkoyazychnaya poeziya Belarusi: territoriya umolchaniya, povtoreniya, tvoreniya [Russian-Language Poetry of Belarus: The Territory of Omission, Repetition, and Creation]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. No. 2, pp. 129–142.

Verina, U. Yu. (2014). Poet v knige stikhov i v antologii (po izdaniyam sovremennoi ural'skoi poezii) [A Poet in a Book of Poems and in an Anthology (according to Editions of Modern Ural Poetry)]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 23 (352), pp. 121–124.

Volkova, M. (2014). Poety zhivut na Urale [Poets Live in the Urals]. In *Istoki* [internet journal]. No. 23 (895). URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=10801> (accessed: 01.09.2022).

Zagidullina, M. V. (2014). Zhizn' poezii v informatsionnom prostranstve kak dialog: ot UPSH 1.0 k UPD 3.0 [The Life of Poetry in the Information Space as a Dialogue: From UPSH 1.0 to UPD 3.0]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 23 (352). Filologiya. Iskusstvovedenie. Iss. 92, pp. 139–145.

The article was submitted on 14.09.2022